

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ СПОСОБА ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

Выбор способа изображения объекта археологического исследования - один из важнейших вопросов, определяющих будущую научную деятельность и контуры будущего знания. Не вдаваясь в возможные субъективные и объективные причины возникновения этой проблемной ситуации в каждом конкретном случае, автор настоящей статьи предпринял попытку такого теоретического самоопределения. Процедура рефлексии «научных оснований», на наш взгляд, должна включать в себя, как минимум: 1) анализ эпистемологической ситуации археологического исследования и места в ней «опорных» онтологических представлений и, исходя из этого, 2) вычленение в научной практике и выбор наиболее эвристичного и перспективного в развитии исследований способа изображения объекта.

Эпистемологическая ситуация

Ситуация, выражаемая категориальной оппозицией «объект- знание», в своей характеристике должна быть развернута как за счет введения дополнительных представлений об объекте, так и о знании. Начнем с объекта.

В философской и методологической литературе не раз подчеркивалась неоднородность содержания категории «объект» в различных практиках деятельности: исследовательских, инженерных, педагогических и других, исходящих из различного отношения к объекту в ходе самой ситуации познания - восприятия. Для выявления («схватывания») неоднозначности объекта были введены понятия объекта подразумевания, объекта оперирования и идеального объекта (Щедровицкий, 1984:75-77).

Под объектом подразумевания понимаем тот самый «неприкасаемый», независимый от роли исследователя объект, «данный нам в ощущениях», чья незатронутость обеспечивается самим обстоятельством предвхождения в исследовательскую практику. Этому реальному объекту (Op) приписываются все знания, полученные о нем, иначе говоря, все онтологические представления, или онтологическая картина, составляющая идеальный объект (Oi). В ходе исследовательской (а равно и любой другой - инженерной, педагогической и пр.) практики реальный объект переходит в состояние объекта оперирования (Oop). В инструментальном,

операционном отношении к объекту оперирования строятся знания об объекте, приписываемые объекту реальному.

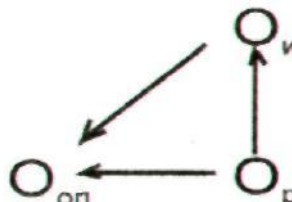

СХЕМА 1 Предстоящие убеждения относительно объекта (пред-убеждения) осознанно или неосознанно для самого археолога (исследователя) влияют на качество формирования объекта оперирования. Это и методы, и инструменты исследования («взятия» объекта), и исходная онтологическая картина, и цели, диктующие понимание субъектом своих действий относительно объекта. Онтологическая картина-генерализованное представление, свертывающее в себе совокупность всех знаний об объекте оперирования (и относимых к объекту реальному), есть идеальный объект. Этот идеальный объект является важнейшей составной частью в предмет исследования, влияет на операционное (инструментальное) отношение к объекту, формулирует принципиальные контуры конкретных, частных знаний (Зн) {СХЕМА 1}. **Знание**

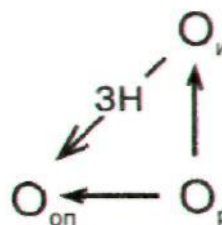

СХЕМА 2 Знание формируется относительно объекта оперирования, относится к объекту реальному и в основе своей несет существенные черты объекта идеального. (СХЕМА 2) Иначе говоря, является его частным, конкретным случаем. В ситуации несоответствия частного общему возникает необходимость в верификации, изменении представлений либо того, либо другого. Общее категориальное (онтологическое) представление играет роль схемы, которая канализирует процессы

исследования и синтеза знания из многих составляющих.

Что же кладется археологу в качестве объекта (объектов)? В нижней части схемы, кажется, все ясно: мы имеем дело с ископаемым объектом O_p — $O_{оп}$. Но вот от того, каковы наши онтологические представления о нем ($O_{и1}$), зависит и наше будущее знание.

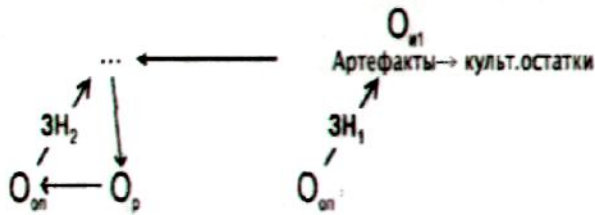

СХЕМА 3

Наши онтологические представления охватывают культурные остатки и их генезис, взятые в процессуальном представлении. Эти конкретные знания, дающие частные процессуальные изображения объекта как статичного, остаточного результата некогда осуществленного события, по характеру модельны и ретроспективны, поскольку в археологии, как и вообще в науках исторического типа, эти процессы в живую не наблюдаемы. Их онтологические картины берутся с современных - аналоговых процессов (СХЕМА 3). На этом стоит принцип актуализма.

Знание этого типа всегда предположительно относительно собственных объектов оперирования и объектов реальных. Во-первых, потому что априори был сделан допуск тождественности идеального объекта современного и древнего (и, в частности, однозначности процессов, их формировавших). Во-вторых, поскольку сами ущербные объекты оперирования $O_{оп}$ 1 (культурные остатки) не могут дать целостного знания. Последнее, напротив, не выведено из них, а сконструировано и введено в ситуацию с целью объяснения объекта - интерпретации, объяснения его возникновения и развития. Отсюда модельный, конструктивный или, если угодно, инженерный характер знания. Вопрос его верификации должен лежать не в плоскости отношений с объектом оперирования (поскольку наше знание по объему содержания заведомо шире объекта оперирования $O_{оп}$, поглощая его как свои исходные данные).

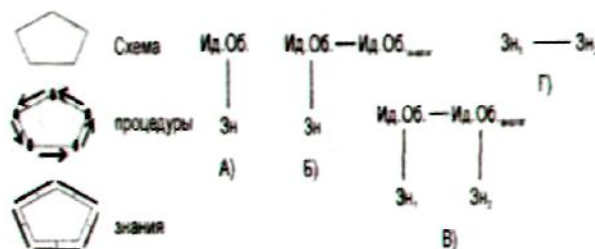

СХЕМА 4

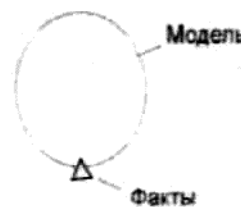
Верификация знания (суть механизма построения знания) (СХЕМА 4) должна включать этот самый этап от идеального объекта до знания (А), от идеального объекта археологии до идеального объекта

современного и аналогового (Б), от аналогового идеального объекта до аналогового знания (В), от аналогового знания к знанию археологическому (Г). Верификация в этих направлениях имеет своим результатом прозрачность и формализованность исследовательских процедур, сомасштабность знаний. наиболее оптимальную исследовательскую программу и методы.

Вторым моментом рефлексии эпистемологической ситуации и следствием первого является невозможность прямого перенесения рецетного идеального объекта в ситуацию с ископаемыми остатками. Так, бесполезно перенесение «в чистом виде» в археологическую практику категорий «деятельность», «культура», «экология» и др.

Теперь рассмотрим отношение «знание - объект оперирования». В основе этого отношения лежит несоответствие, вернее, обратное отношение объекта и приписываемого ему знания. Суть его заключается в том, что объект исторического типа (объект археологии) статичен и остаточен. Он есть редуцированный, ущербный материализованный остаток процесса, некогда его породившего. Знание же по своему содержанию процессуально (во всяком случае, в избранной нами ситуации), т.е. является представлением о процессах, породивших исследуемые объекты. Именно такие представления задают целостность разносторонним знаниям, конфигурируя их в единое. Знание принципиально больше исследуемого объекта. Оно не снято с него, в отличие от знания в классической эпистемологической ситуации. Оно объекту приписано - интерпретирует его в ключе тех или иных онтологических представлений. Процессуальное знание есть имитационная модель палеопроцессов и их механизмов, оставивших нам в наследство артефакты. Факты, фиксируемые в объекте исследования, являются лишь исходными материалами, на которых живут и которые осваивают соответствующие знания-модели. Они включены в модели в качестве их составляющих, отнюдь не задающих этим моделям качества внутренней целостности и органичности. Эти свойства привнесены извне. (СХЕМА

5)

Конечно, и здесь существует рефлексия адекватности знаний фактам, лежащая в плоскости вопроса полноты объяснения фиксируемого в фактах объекта. От этого зависят переменные конечного знания. Но его константные величины - базовые, онтологические представления - суть инвариантны. По своему характеру знания, как модели несуществующих ныне процессов, есть гипотетико-спекулятивные

модели, мера гипотетичности которых, уменьшаясь ростом подтверждающего фактического багажа, не исчерпается никогда. Можно видеть в этом причину субъективности, «канал ее проникновения». Мы полагаем, дело не в субъективности, место имеет объективный характер строения знаний исторического типа.

Нужно четкое определение доли объема содержания знания археологического от знания рецентного, аналогового. Именно развитие этого направления перекроет «канал проникновения субъективизма в археологию».

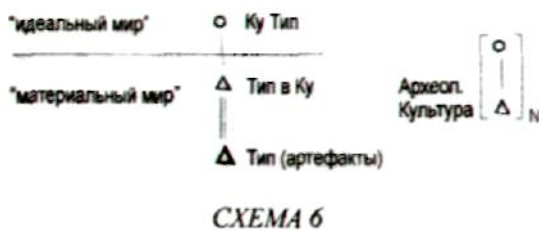
Выбор изображения объекта

В археологии существуют два принципиально отличных способа изображения объекта, вернее, все многообразие случаев мы сводим к двум идеальным типам изображений или онтологических картин. Это «культурно-типологический» и «процессуальный» способы изображения объекта.

Культурно-типологический способ изображения

Морфо-типологическому подходу в исследовательской позиции в археологии соответствует и определенная онтологическая позиция. Попытаемся охарактеризовать ее. В целом ее можно было бы охарактеризовать как культурно-типологическую парадигму.

Суть культурно-типологического способа изображения объекта состоит в фиксации его как совокупности (набора) культурных типов вещей материальной культуры, отражающих собой пространственное и временное состояние последней.

Типы в культуре (**Тип** в **Ку**) - это физически наличные и эмпирические схватываемые типы вещей в материальной культуре. Их содержание как типов определяется именно связью с культурными типами (**Ку Тип**) в «духовной», идеальной сфере культуры. Иначе - каждому из них принадлежит соответственная норма, стереотип их воспроизводства, транслируемая в культуре - культурный тип (**СХЕМА 6**).

Можно также сказать, что идеальный тип является содержанием материального типа как класса вещей и каждой отдельной вещи, принадлежащей этому множеству.

Идея соответствия каждой вещи своей идеальной норме, образцу, эйдосу, впервые явленная Платоном, оказалась в археологии весьма востребованной. (Наверное, одна из базовых идей устройства мира).

Здесь связка «культурная норма - тип - артефакт» имеет структуру вертикального порядка, тиражируемую в пределах количества найденных типов. Этим структурам присуща автономность, горизонтальная их стратификация (т.е. отношения между материнскими типами) не задана. Отношения между типами выглядят как случайные. Совокупность типов одной культуры выглядит как набор типов. Выделение типов и на их основе культурного комплекса или ансамбля по сути и есть в этом подходе конечная цель исследования. Постулируется, что трансляция культурных норм и их эволюция обеспечивает развитие типов во времени. эволюцию материальной культуры. В археологии реконструкция динамики их развития задается рядом таких наборов культурных типов разных хронологических и пространственных срезов. В ее основу положена морфологическая похожесть, например, близость более поздних вещей более ранним. Развитие через коммуникацию, трансляцию культурных типов образцов во времени всегда превышает в масштабе время существования (жизни) одного из состояний материальной культуры и его носителей. Существование и развитие типов материальной культуры и культурных норм, происходящие всегда в теле социальной жизни и опосредованные, обусловленные ею, на деле взято оторванно от нее и без процедуры ее реконструкции (и установления хотя бы факта непрерывности ее и принадлежности к ней двух сравниваемых наборов культурных типов А и Б). Сами культурные типы (материальная культура) не обладают свойством саморазвития. Ими обладают биологические организмы, а применимо к нам -организованные в социальные коллективы люди. В сущности, такие реконструкции развития есть линии псевдоразвития, исследовательские артефакты -логические конструкции, основанные на внешнем сходстве вещей.

Самостоятельность типов натурализована до признания реально существующей и далее подобной (изоморфной) самостоятельности биологического организма (сравните: «Типологический метод» В.А. Городцова (1927) с законами развития вещественных памятников подобно биологическим организмам, а типов - биологическим видам. А также: «как в процессе эволюции живого, так и в процессе эволюции вещей сохранение или изменение набора признаков определяется закономерностями, общими для всех процессов многоэтапной передачи информации» (Маршак Б., Маршак М. 1981:35). «При рассмотрении характера связи вещей внутри системы культуры может оказаться полезным изучение структуры отношений организмов внутри системы природы» (Лихтер, 1994: 34)).

Это первое исходное культурно-типологическое представление, характеризующее незаданностью стратификации культурных норм и типов. Незаданностью, а, значит, однолинейностью и тех, и других, что вполне удовлетворяло ситуации с типами в археологии, где они также лежат на одной доске

эмпирических данных (СХЕМА 7).

Усложнение схемы было связано с осознанием реально сложной стратификации общества и наличия разных порядков социальных групп, а, следовательно, и сложного иерархического порядка присущих им культурных комплексов. Вертикально по социальным **стратам** сложный и разноуровневый характер комплексов типов в культуре вступил в противоречие с линейным характером выделяемых комплексов типов в археологии. Встала задача разрешения этого противоречия (СХЕМА 8).

СХЕМА 7

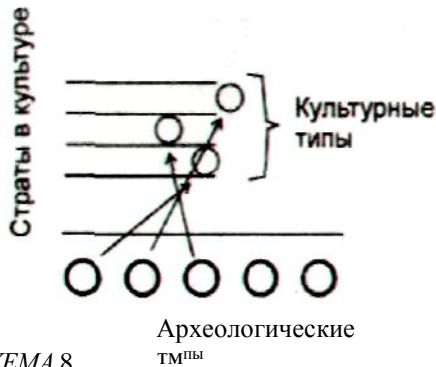

СХЕМА 8

Среди попыток ее решения были варианты подбора возможного эквивалента археологической культуры среди таксономически и функционально различных социальных объединений на основе лишь внешних признаков, наиболее важными из которых были характеристики широты географии распространения и, может быть, частоты встречаемости (об этом, например: Генинг, 1987; Арутюнов, Хазанов, 1979; Марков, 1979). Были также примеры научно более корректных попыток выделить механизм «складывания» разноуровневых типов в горизонтальные, линейные проекции, включенные в ткань жизнедеятельности общества (Шнирельман, 1990; Виноградов, 1979; Бобринский, 1978).

Эти работы показали невозможность, владея одними лишь методами археологии, сделать обратный ход от линейной проекции к иерархии (таксономии) типов в культуре. На сегодняшний день этим обозначен предел культурно-типологического подхода.

Признание культуры адаптивным механизмом общества (Маркарян, 1984) (или, выражаясь словами К.Маркса, это (технология, культура) «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий, жизни и проистекающих из них представлений» (Маркс, Энгельс, Соч., Т.23, С. 383)), по сути, означает выход за пределы культурно-

типологического подхода в археологии. Поскольку с вертикального структурирования культуры акцент был переведен на функциональные отношения культуры внутри процессов деятельности адаптации, то есть на горизонтальное структурирование культуры как механизма этих процессов. Комплекс типов как простой, случайный их набор не удовлетворяет процессуальному подходу. Понадобилось представление о функциональной обусловленности той или иной комбинации типов-артефактов. Процессуальный подход характеризовался динамикой, линейностью развития процесса деятельности, включенностью феноменов культуры в эти процессы и отказом от рассмотрения их изолированно от роли и места в процессах.

Процессуальный способ изображения

Процессуальная археология как научный подход в основании имеет собственный способ изображения объекта. А именно - это изображение объекта археологии как результата некоего процесса или состояния (в череде сменяющих друг друга состояний) его развития. Характеристика объекта есть в этом подходе реконструкция отношений объекта к иным структурным составляющим процесса (функциональная характеристика).

«Процессуальный тип» изображения объекта, в отличие от предыдущего, есть изображение артефактов. в пределе - всей совокупности материальных производных человеческой жизнедеятельности и. внутри самого процесса жизни социальных коллективов (процесса жизнедеятельности). Здесь имеют место отношения функциональной зависимости первых от второй (артефактов от жизнедеятельности) и обоих, взятых в отношении к социальной и географической среде. Потребление природных ресурсов коллективом и производство материальной культуры есть своего рода обмен веществ, характер которого выражается в адаптации себя / к себе окружающей среды, являющийся условием развития - воспроизводства процесса жизнедеятельности общества (СХЕМА 9).

СХЕМА 9 Конкретная ситуация проживания человеческого коллектива - оставление артефактов, формирующее (для археологов) комплексы культурных остатков, есть локальный во времени и пространстве эпизод (состояние) процесса жизнедеятельности. Сами артефакты (материальная культура) являются условием его развития. Суть этого обеспечивающего кроется в отношениях с окружающей средой. Динамика развития

- функционирования конкретных деятельностных ситуаций, обусловленная характером развития всего процесса, есть динамика проживания коллектива.

Какого рода процессы должны быть взяты как артефактообразующие. или в каких процессах «живут» артефакты? И каковы способы их изображения? Эти вопросы определяют дальнейший характер развития подхода, который далее был дифференцирован на множество частных направлений в прямой зависимости от опытов их решения.

Диапазон ответов от максимально конкретных определений производственных процессов логическим пределом имеет указание на процесс движения социальной материи. Развитие от верхнего предела, от абстрактного к конкретному есть философская работа, на все более нижних этажах конкретизации приобретающая облик культурологической, социологической, политэкономической темы. [Неизменным камнем преткновения всех попыток стала сложность в аппликации этих разработок к конкретным археологическим данным. Л.Бинфорд, например, одной из основных своих задач видел построение теории среднего уровня (middle-range theory), связывающей общие законы человеческого поведения с археологическими данными (Trigger, 1990)].

Такая теоретическая работа, по сути, является, во-первых, работой по конструированию идеального объекта археологии и далее, во-вторых, по построению на его основе конкретного знания. Логически - это направленный путь (дискурс) по раскрытию категориального содержания через содержание видовых понятий - членов объема категории - и видовых понятий следующих порядков, входящих в объем предыдущих, до уровня суждения о предмете, имеющего наименьший объем и наибольшее содержание, т.е. до конкретного. Направленность этого дискурса проявляется в выборе пути до индивидуума категории - конкретного предмета или группы предметов. Если, например, категория «культура» может быть распределена, т.е. взята, во всем объеме явлений культуры, то археологическая направленность дискурса должна быть выражена в восхождении лишь к некоторой группе явлений материальной культуры, составляющей специфику объекта археологии. Избирательность этого пути на каждом шагу обусловлена именно рефлексией задач археологии и специфики ее объектов. Действительно, ведь все культурные остатки (артефакты) принадлежат миру культуры, но они отнюдь не исчерпывают его (СХЕМА 10).

В характере этого дискурса заключены следующие обстоятельства. Являясь, по сути, восхождением от абстрактного к конкретному, этот дискурс изначально археологически ориентирован, а значит «разделение труда» в нем на самостоятельную сферу действий «философа» со своими задачами и парадигмами и сферу «археолога» недопустимо, поскольку приводит к потере непрерывности и целостности дискурса. Отсюда невозможность инструментального

использования философских разработок категорий «деятельность» или «культура»: они археологически несоизмеримы, они хороши сами по себе; аппликация их на археологический материал не несет за собой изменения структуры, содержания археологического знания и способа его получения, а есть простое приговаривание к нему по типу «археологическое знание + философское знание о деятельности». Один из примеров такого рода ходов - советская марксистская археология начала 30-х годов XX в.: являются ли археологически данные остатки материальной культуры частью социально-экономической жизни общества, в частности, способа его производства? Очевидно, что являются. Но можно ли реконструировать на их основе эту самую социально-экономическую жизнь?

СХЕМА 10

Эта работа по разворачиванию содержания носит парадигматический характер. Рефлексия и возврат к нему имеют причиной критику и кризис археологической практики. В подавляющем большинстве случаев археолог пользуется уже существующими в его практике теоретическими представлениями об объекте либо уже как-нибудь выстроенными историками первобытного общества, философами и другими, либо собственно археологами, работающими в теории, либо имманентно, неререфлексивно сидящими в его сознании.

Во-вторых, путь восхождения от абстрактного к конкретному есть разворачивание на каждом шаге содержания через введение новых (дополнительных) онтологических представлений, наследующих и снимающих собой предыдущие (то есть развитие «из себя» в «свое-другое»). И это развитие понятия является условием органичности вплетения конкретных знаний в интерпретационные картины более высокого порядка. Именно нестыковка обоих концов и побудила некоторых исследователей (например, Л.Бинфорда) к построению «теории среднего уровня», других к ограничению рамок археологии.

Из этого утверждения следует также, что «готовые» теоретические знания, созданные философами и историками, в археологической практике малоприспособлены сами по себе. Как, например, вышеотмеченный случай с марксистской концепцией

социально-экономической формации, реконструкции которой по археологическому материалу оказались проблематичны.

Заключение

Мы видим, что по характеру обусловленности / случайности набора вещей материальной культуры, динамики развития / псевдоразвития эти онтологически разные *процессуальный* и *культурно-типологический* типы изображения объекта археологии противоположны друг другу.

В практике археологического исследования сосуществуют оба этих подхода, причем зачастую на одних и тех же объектах. Ныне ни одна из монографий не обходит тем «материальной культуры древнего поселения ...» и «хозяйственного уклада древних ...». Исторически возникший раньше первый тип изображения объекта более укоренен, как и метод исследования объекта в соответствии с этим типом типология. Второй способ изображения объекта по разным причинам, в том числе и идеологическим, оказывается пока на втором плане. Наиболее заметные теоретические манифестации его появились, пожалуй, в марксистской археологии СССР в начале 30-х годов (Равдоникас, 1995 (1930)), а ныне в этом направлении наиболее заметны этноархеология и Новая археология (Бинфорд, Йеллен и др.) (Trigger, 1990; Binford, 1983b). Одной из основных причин являются более высокие требования к состоянию изученности объекта. Необходимо для инициации исследований в этом направлении. Функциональные реконструкции объекта в целом предполагают выяснение функции (значения) артефактов, в том числе характера значимости их в отношении к материальному обеспечению, адаптации к природной среде. Сами знания о природной обстановке должны быть приведены в сопоставимые отношения к времени деятельности образования объекта. Напротив, ничего не требуется для инициации культурно-типологического подхода, поскольку, изначально, в соответствии с исходными представлениями, артефакты берутся вне функциональной зависимости, как случайный набор. И сам характер построений немасштабен времени и вполне эквивалентен геологическому времени и наличным уже естественнонаучным знаниям и практикам.

Другая важнейшая причина состоит в неразвитости онтологических представлений «процессуальной археологии», тормозящих все дело, несмотря на стремительный рост методов фиксации-исследования материала. На примере иркутской школы было показано, что такие теоретические разработки отсутствуют (см. статью автора в настоящем сборнике). В качестве примера приведем также работу новосибирского археолога П.В.Волкова, поставившего свои результаты разработок функционального подхода и анализа в «прокрустово культурно-типологическое ложе» эволюционных рядов развития материальной культуры палеолита Горного Алтая (например, статья П.В.Волкова «Предварительные результаты

функционального анализа материалов памятника Денисова Пещера» (1998)). В частности, велел за его классификацией по рубрикам: орудия добычи. обработки, потребления, в зависимости от категории ресурса; основные и вспомогательные орудия, следуя логике развития функционального исследования, стоило ожидать хозяйственной реконструкции поселения. Однако выделенные категории изделий были лишь добавлены к традиционным, выделяемым в морфо-типологическом исследовании археологии и характеризующим культурно-типологические этапы развития палеолита.

Самоопределение археолога в выборе не означает, однако, полного отрицания одного из подходов. Одна из максим археологического исследования - стремление к предельно полному «взятию» объекта - диктует невозможность отказа от какой-либо толики содержания (информации) археологического объекта, пусть и порождаемой альтернативным подходом. Задача, следовательно, состоит в нахождении способов «распредмечивания» информации - в нашем случае. помещения типологических знаний в контекст собственного подхода.

Конкретизация деятельности характеристики артефакта проясняет два главных вопроса: когда, где и как артефакт сделан и когда и как, как долго, однократно-неоднократно и где использовался. В случае отсутствия следов, отходов производства-утилизации артефакта на «стоянке» ответ на эти вопросы с некоторой степенью полноты может быть получен, исходя из анализа артефакта как знака самого себя (естественного знака-признака). Его содержанием будет знание о стандартных, социокультурных в широком смысле, деятельности ситуациях как раз изготовления и употребления данного типа артефактов. В этом смысле актуален типологический подход и исследование артефакта как представителя знака-типа.

Можно рассматривать также два аспекта содержания типа - функциональный и семантический (знаковый), как состоящие в родо-видовом отношении. Функциональный характер культурного типа заключен в требовании соответствия функциональному назначению вещи ее морфологии, всех ее физических качеств при всех стилевых отклонениях (независимо, будь это знаковое или прагматическое значение (об этом: Байбурин, 1989)). Семантический характер этого же типа выражается в различного рода стилевой вариативности - специфике, напрямую несвязанной и свободной от функциональной детерминации. Такие стилевые вариации отклонений внутри одного класса (типа) допустимы в пределах выполнения основной функции. В речи-языке, искусстве, семиотике (семиологии, в ее видении Р.Бартом, У.Эко и др.), в целом, таким вариациям эквивалентны знаковые коннотаты - вторичные смыслы. Предел стилевой-семантической вольности - вариативности формы положен основным значением артефакта или знака (денотатом), например, вариации со шрифтами текста допустимы в пределах его узнаваемости (Эко. 1999).

Свобода стилевых под-типов - коннотатов при этом есть возможность-наличие иных, отличных от функционального содержания, конвенционально связанных с этой своей знаковой формой. Объем их содержания принципиально ничем не ограничен. Это могут быть любые феномены социальной, психологической, любой иной природы. Возьмем в качестве иллюстрации этюд о мечах Г.С. Лебедева (1991) из «Археологической типологии» Л.С.Клейна: помимо основной - боевой функции меча выделяют функции этнопопуляционной идентификации, социальной маркировки, имущественного состояния, коммуникации, сакральную. Названные закономерности функционально-семантических отношений справедливы для всех знаковых / незнаковых случаев.

Археологические же знания о типах артефактов состоят из данных по хронологии (t) и ареалу (s) бытования - обнаружения: $Арх\ ZH(N-Type) = t,s$. Обычно совокупность взаимопересекающихся в своих t и s характеристиках знаний об артефактах, входящих в комплекс позволяет локализовать соответствующие t и s представления о стоянке (памятнике). Знания о стандартных ситуациях изготовления и употребления артефактов, таким образом, в археологии замещены знаниями о ситуациях территориального и хронологического их проявления. В случае нераскрываемости в своем содержании типов последние превращаются, по сути дела, в немые индексы-номиналы стоящих за ними, увы, непознаваемых ситуаций социокультурной действительности.

Наконец, ценность типологических знаний и смысл их получения состоит в инициальном для археологического исследования их характере как первичных знаний об объекте, т.е. определяющих направление будущего изучения. В этом отношении в сегодняшней исследовательской практике они являються точками сопряжения различных существующих в археологии подходов.

Литература

Арутюнов С.А., Хазанов А.М., 1979 Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии.-М.: Наука, 1979.-С. 140-146.

Байбурин А.К., 1989 Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. -Л.: Наука, 1989. -С.63-88.

Бобринский А.А., 1978 Гончарство Восточной Европы.-М.: Наука, 1978.-271 с.

Виноградов А.В., 1979 Социальная норма и ее отражение в материальной культуре // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, типологии и систематики / Под ред. Л.С.Клейна. -Л.: Изд-во АН СССР, 1979. - С.88-98.

Волков П.В., 1998 Предварительные результаты функционального анализа материалов памятника Денисова Пещера // Палеоэкология плейстоцена и культура каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1998. - Т. 1. -С.59-77.

Генинг В.Ф., 1987 Археологическая культура -социально-исторический организм - центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии. - Киев, 1987. -С.6-35.

Городцов В.А., 1927 Типологический метод в археологии. - Рязань., 1927. -10 с.

Лебедев Г.С., 1991 Этюд о мечах // Клейн Л.С. Археологическая типология. -Ленинград, 1991.-С.280-305.

Лихтер Ю.А., 1994 Логическая система знания о вещи // История и эволюция древних вещей. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - С.33-43.

Маркарян Э.С., 1983 Теория культуры и современная наука. - М.: Наука, 1983. - 286 с.

Марков Г.Е., 1979 Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979.-С.147-157.

Маршак Б.И., Маршак М.И., 1981 Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмов // Количественные методы в гуманитарных науках. - М., 1981. - С.35-42.

Равдоникас В.И., 1995 (1930) За марксистскую историю материальной культуры // Антология советской археологии (1930-е годы). - М., 1995. - Т.2. -С. 123-131.(ГАИМК. -1930. - Т.8. вып.3-4.)

Щедровицкий Г.П., 1984 Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. - М.: Наука, 1984.-С.67-109.

Шнирельман В.А., 1990 Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. - М.: Наука, 1990.-С.49-56.-(КСИА. - №201).

Эко У., 1998 Отсутствующая структура. Введение в семиологию. -СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. - 432 с.

Binford Lewis, 1983b In Pursuit of the Past. London. Thames and Hudson, 1983. - 255 p.

Trigger B.G., 1990 A History of Archaeological Thought. - Cambridge University Press, 1990. - 500 p.

Summary

In this article the author gives the characteristic of the epistemological situation in archaeology and comes to the conclusion that the final archaeological knowledges are determined by the existing ontological images (ideal objects) which are formulated upon the research of the recent analogous phenomena. The author delineates modes of the object expression and characterizes them as the "Culturally-typological" and "Processual" Modes which are both by the accidental / stipulated set of the artifacts and the dynamics of the pseudo development /

development principally different from each other. The choice of the most heuristic approach, hence, could not absolutely deprive of the attention of the result of the alternative approach. The claim, there fore, is to find the ways of putting every positive information in to its own research. Finally, the author pointes upon the place of the "typological" knowledge in the processual archaeology, the initial role of the culturally-typological approach and the such knowledge as the universal as the universal base for interacting among the different approaches.